

ЗЛАТА
ЗОРИЧ

ЧУЖАЯ
НЕВЕСТА
ДЛЯ ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ

Злата Зорич

Чужая невеста

для телохранителя

<https://litres.ru/74538937>

Аннотация

Я должна стать женой его хозяина. А он обязан не дать мне сбежать...

После смерти отца моя семья оказывается во власти страшного человека, который приставляет ко мне телохранителя.

Я ненавижу его, но он единственный, кто может мне помочь - нужно всего лишь его соблазнить...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	69
Глава 15	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Я сидела на полу гостиной, наблюдая за тем, как моя маленькая сестра пытается построить башню из конструктора. Ей всего пять, и она ещё не понимает, что именно произошло. Рядом на диване сидит мой брат-подросток, спрятав глаза в экран телефона, бездумно листает ленту.

Ещё недавно наш мир казался крепким и надёжным. Незыблемым. Благополучным. Еще недавно наш отец сидел в своем любимом кресле, а теперь там пустота.

Дверь скрипнула, и я подняла голову.

В проёме появилась мать. Она опиралась на руку мужчины, который помогал ей идти.

Я знала его с детства. Отец называл его другом, советчиком, человеком слова. Именно он стал опорой для нас в эти ужасные дни.

— Детям лучше выйти, — тихо сказал мужчина, и мать кивнула.

— Мария, уведи их наверх, — бросила она няне.

Дверь за ними закрылась, и я осталась наедине с матерью и этим человеком.

— Аврора... Ты должна знать, что, — начала мать хрипло.
— Твой отец... он не просто ушёл от нас. Он оставил нам тяжёлое наследство.

— Твой отец ушёл из жизни, потому что сильно задол-

жал... — продолжил мужчина.

Задолжал? Но мы же богаты! Черт возьми, мы всегда были богаты. Сколько я себя помню.

— Этого не может быть! Он... он бы сказал нам.

— Он не хотел, чтобы вы знали.

— И сколько же мы должны? Каков размер долга?

— Мы должны будем продать дом... — обречённо сказала мать. — Всё это... всё, что ты видишь вокруг себя — исчезнет. Твоему брату придётся уйти из лица, ты тоже не сможешь продолжить учиться... София... я даже не знаю, как я буду её растить одна. Но самое страшное... Нам уже угрожают, Аврора! Люди, которым твой отец задолжал... они не отступят. Я боюсь, что однажды кто-то придёт за нами и заберёт последнее, что у нас еще есть — нашу жизнь...

— Что же нам делать? — в отчаянии от услышанного крикнула я.

— Тебе... Тебе нужно будет кое-что сделать, дочка...

Она замолчала, взгляд её скользнул в сторону, на мужчину рядом.

— После смерти твоего отца только он... Он один остался рядом. Только благодаря ему кредиторы не выгнали нас на улицу еще вчера. И... он готов сделать больше. Он готов взять на себя все долги.

Она медлила, словно надеялась, что кто-то другой скажет это вместо неё. Но мужчина рядом всё ещё молчал, позволяя ей самой произнести то, что навсегда изменит мою жизнь.

— Он... — мать сглотнула. — Он хочет, чтобы ты стала его женой.

Мужчина смотрел прямо на меня — взгляд твёрдый, тяжёлый, такой, от которого хотелось отвернуться.

— Ты должна будешь выйти за меня замуж, — произнёс он ровно, словно говорил о чём-то самом обыденном. — Долги будут закрыты. И твоя семья будет в безопасности.

— Что за чушь? Вы мне в отцы годитесь! Как вам не стыдно?

— Аврора! — одёрнула меня мать. — Как ты разговариваешь!

Но я продолжала, в надежде воззвать к его совести:

— Вы — друг моего отца! Что бы он сделал, если бы узнал, что вы предлагаете *такое* его дочери? Той, которую вы знали с детства!

— Твой отец сказал бы, что я лучший выбор для тебя...

— Это ложь! Если бы мой отец был жив, он бы вышвырнул вас за дверь за один только грязный намек!

— Если бы он был жив... — процедил старик сквозь зубы. — Однако он мертв. И я — единственный, кто способен защитить тебя и всю твою семью. Единственный, кто сможет решить ваши проблемы.

— Я ни за что не соглашусь. Я лучше умру!

— Что ж... Это мне нравится даже больше, — хмыкнул старик. — Огонь в глазах. Главное — вовремя его укротить. Осторожнее, девочка. Я пока терплю твои капризы... Но по-

том...

И тут я впервые по-настоящему почувствовала исходящую от него опасность.

— Мама... — я обратилась к ней, надеясь на поддержку.
— Скажи ему! Ты ведь понимаешь, что это безумие! Папа бы никогда...

— Твой отец сделал свой выбор. Он бросил нас. А ты слишком молода и упряма, чтобы понять какую милость оказывает нам друг нашей семьи. Однажды ты поблагодаришь его.

— Но я не могу быть его женой, мама! Я никогда его не полюблю...

— Любовь, — мать горько усмехнулась. — Я любила твоего отца, Аврора, всей душой. И что вышло? Я осталась одна — с детьми, с долгами, с кредиторами, готовыми растерзать нас на куски. Любовь — это красивая сказка, в которую приятно верить. Но сказки не платят за дом, не кормят твоих брата и сестру, не дают охрану, когда тебе угрожают.

Её пальцы дрожали, но голос звучал твердо, будто закаленный разочарованием.

— У тебя есть шанс на лучшее, Аврора. За этим мужчиной ты будешь как за каменной стеной. Да, он старше. Но он... Будет рядом. Нас до сих пор не выкинули на улицу только лишь потому, что он протянул нам руку помощи...!

— Достаточно, — внезапно раздался низкий голос старика. — Ты упомянула об отце, Аврора... У твоего отца оста-

лись враги, которые не оставят вас в покое. Поэтому я при- ставлю к вам охрану. Того, кому доверяю больше, чем себе самому. Шах! — позвал он. — Подойди сюда!

В комнату вошёл молодой мужчина. Высокий, широко- плечий, в чёрной кожаной куртке. Татуировки уходили под воротник и спускались по кистям. Красивое лицо казалось совершенно непроницаемым, в холодных серых глаза — ни намёка на хоть какие-то эмоции.

— Отныне он будет рядом с тобой. Всегда.

— Спасибо вам, — сказала мать тихо. — Теперь я спо- койна!

— Нет! — вырвалось у меня. — Не смейте приставлять ко мне своего цепного пса! Ты думаешь, он будет защищать нас, мама? Да никакой он не охранник, он мой надсмотрщик! Он будет следить за каждым моим шагом, докладывать ему обо всём! От кого он меня защитит? От каких-то вообража- емых врагов? Нет! Он нужен, чтобы держать меня на цепи, как собаку!

— Аврора! — мать резко встала. — Замолчи!

Я вдруг ясно ощутила, что кричу в пустоту, что мои сло- ва — всего лишь удар о каменную стену, которая даже не дрогнет. Они ничего не изменят в моей судьбе, которую уже решили за меня.

Я рванула к двери, но тут — мой надсмотрщик. Стоит, перекрыв мне проход. Скрещенные на груди руки, холодное лицо, на котором нет ни удивления, ни злости, ни жалости.

— Отойди! — я толкнула его изо всех сил обеими руками. С отчаянием, со всей яростью, что во мне копилась.

Но он не двинулся. Словно я ударила не человека, а каменную глыбу.

Но тут он сам сделал шаг в сторону, разрешая мне пройти. Я пулей выскочила из комнаты.

Но за моей спиной тут же раздались шаги. Этот человек действительно собирался следовать за мной повсюду...

Глава 2

Я захлопнула дверь своей комнаты и сползла на пол, не включая свет. Обхватила голову руками, чувствуя, как виски пульсируют, как тошнит от злости и обиды.

Старик с его предложением. Мать, которая, вместо того чтобы встать за меня горой, давит, уговаривает, пугает. И этот... Шах. Мой надзиратель.

Я взяла в руки телефон, чтобы выдернуть себя из этого водоворота мыслей, и увидела сообщение от друзей:

«Сегодня собираемся у Лизы, приезжай, нам очень хочется тебя поддержать».

Я на автомате набрала:

«Ребят, у меня сейчас, мягко говоря, нет настроения».

И уже хотела убрать телефон, но в ту же секунду вспыхнуло новое сообщение.

«Вот поэтому и нужно прийти. Ты хочешь с ума сойти, сидя одна в своей комнате? Приходи, хоть немного отвлечься».

Как будто от этого можно отвлечься! Как будто разговоры, музыка и вино способны стереть из памяти каменное лицо Шаха, тяжёлый взгляд старика и материнские слёзы.

Я хотела написать резкое «нет», но пальцы дрогнули и замерли над клавиатурой. Может, действительно... выбраться хотя бы на пару часов? Конечно же, не веселья ради, а ради того, чтобы на миг снова почувствовать себя живой, а не

пленницей, погребенной в собственном доме.

Я кусала губы, глядя на экран. Сердце стучало глухо и тревожно, словно знало, что ничего хорошего мое решение не принесёт.

«Ладно. Я подумаю».

Тут же посыпались радостные реакции, а Вадим, мой близкий друг, написал: «Я за тобой сейчас приеду!».

Я накинула куртку, схватила сумку и вышла в коридор. Там стоял, прислонившись к стене, тот самый «цепной пёс», которого приставили ко мне, будто я опасный преступник.

Впервые я услышала его голос. Низкий, спокойный, но по коже от него пробежал холодок:

— Ты никуда не пойдёшь.

Эти слова были словно стальная решётка, которую он только что захлопнул у меня перед лицом.

— Не тебе решать! — выдохнула я.

— Ошибаешься. Решать именно мне.

Я схватилась за ручку двери, рванула ее на себя, но тут же почувствовала, как его ладонь легла сверху — тяжёлая, теплая, и с силой сжала.

— Ты что творишь? — вскрикнула я, отдергивая руку. Эта неожиданная вспышка боли меня шокировала. Никто не смел причинять мне боль! За всю мою жизнь меня никто и пальцем не тронул!

— спасаю тебя от глупостей, — сухо ответил он.

Я толкнула его ладонью в грудь — резко, всем телом, так,

что сама чуть не упала назад. Он не шелохнулся. Ещё толчок — сильнее. Ноль реакции. Будто я пыталась подвинуть гранитную глыбу. От этого бессилия у меня защипало в глазах.

И тогда я сорвалась — стала бить его кулаками в грудь, в плечо, куда придётся.

— Ты чудовище! — выкрикнула я. — Тюремщик!

Удары мои стали слабеть, силы уходили вместе с отчаянием. Я вдруг поймала себя на том, что стою, прижавшись лбом к его груди, и тяжело дышу. Руки всё ещё судорожно сжаты в кулаки, но они бессильно повисли, не в силах подняться снова.

— Полегчало? — тихо спросил он.

Я резко отшатнулась. Слезы жгли глаза, но я не хотела, чтобы он их видел.

— Ты... ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу! — сказала я глухо.

— Ненавидь сколько влезет. Но ты не переступишь этот порог.

— Ладно... Ты победил.

Я вернулась в свою комнату. Пусть думает, что я смирилась. Но я не сдамся. Никогда.

Окно оставалось моим шансом.

В детстве я так спасалась от отцовских наказаний: стоило ему запереть меня, как я вылезала наружу, цепляясь за выступы и карниз, и неслась по двору к подружке. Ни разу не падала. Ни разу не попадалась.

Я стояла у окна, не отрывая глаз от темноты за стеклом. Наконец, её рассеял свет фар подъезжающей к дому машины.

Я забралась на подоконник, осторожно высунулась наружу. Подо мной — козырёк, узкий, скользкий, но знакомый до боли. Мысль о том, что я сейчас снова сделаю шаг в пустоту, как когда-то в детстве, подстёгивала, а не пугала.

Тело ухнуло вниз, но падения как будто не произошло. Я рухнула в чьи-то крепкие объятия, и удар об землю оказался мягче, чем ожидала.

— Ну что, птичка, — раздался его низкий, спокойный голос. — Вздумала полетать?

Шах смотрел на меня сверху вниз, и в глазах его нет ни тени удивления. Он заранее знал, что я попытаюсь выбраться?!

— Пусти! — я дёрнулась, но он крепко держал меня.

Его губы тронула едва заметная усмешка.

— После того, как ты едва не свернула себе шею? Нет, Аврора. Я тебя никуда не пущу.

Я дернулась снова. И в этом отчаянном рывке были накопленные за все эти страшные дни злость и отчаяние — и они сделали меня сильнее на одну-единственную секунду. Его пальцы на моей талии разжались, и я, не дожидаясь, пока он снова сомкнёт хватку, рванула в сторону.

Я почти не чувствовала тела — только отчаянный порыв: *успеть, вырваться, сбежать.*

Запрыгнула в распахнутую дверцу машины.

— Жми на газ! — выкрикнула я. — Быстро!

Ошарашенный Вадим вжал педаль. Машина дёрнулась вперёд, колёса взвизгнули по гравию.

Я вжалась в сиденье. Я всё ещё чувствовала на себе его взгляд, прожигающий кожу, который обещал: черт с два, я позволю тебе сбежать...

— Что это сейчас было? Что это за тип у твоего дома? — спросил у меня Вадим.

Я открыла рот, но не успела произнести ни слова — резкий удар сотряс машину, нас швырнуло вперёд. Я вскрикнула, вцепившись в сиденье.

— Чёрт! — выругался Вадим, удерживая руль. — Что за... У меня новая тачка! Только что из салона!

Я обернулась. Позади нас, в потоке темноты и редких фонарей, нёсся силуэт мотоциклиста. Казалось, что он вот-вот врежется в нас снова, вытеснит с дороги.

— Кто это? — крикнул Вадим, вцепившись в руль. — Что, черт возьми, происходит?

Он снова врезался — удар, скрежет, машину качнуло. Я вскрикнула, а Вадим едва не потерял управление.

— Он нас убьёт!

Но я знала: Шах не собирается нас убивать. Он всего лишь хочет остановить нас. Он не даст мне уйти, даже если для этого ему придётся разбить чужую машину.

— Что за псих! — заорал Вадим, когда Шах врезался бо-

ком с такой силой, что машину качнуло и едва не вынесло с дороги. — Он нас угробит к чёртовой матери!

Мотоцикл вырвался вперёд, обогнал нас и оказался прямо перед нами.

Вадим ударил по тормозам, а Шах прибавил скорость, развернул мотоцикл и пошёл на таран.

В следующую секунду железо ударило в железо. Авто дёрнуло вбок, и я ударилась о панель. Мир вокруг взорвался ослепительной болью.

Я подняла глаза — и увидела его. Шах приближался. Его мотоцикл завалился набок, но он сам двигался уверенно и спокойно, будто и не было этой бешеной гонки.

Дверь машины распахнулась. Он наклонился, и, прежде чем я успела что-то предпринять, я снова оказалась в его объятиях.

— Пусти! — я ударила его кулаком в грудь. — Ты не имеешь права!

И вдруг он и правда меня отпустил... Просто разжал хватку.

Потому что его телефон зазвонил, и он должен был ответить. Я осталась стоять на том месте, куда он меня поставил, пытаясь услышать хоть что-то из обрывков его коротких, глухих ответов по телефону.

Потом он убрал телефон, посмотрел на меня и бросил небрежно:..

— Можешь идти.

— Что...?

— Можешь валить... Куда ты там так хотела.

Тяжелая тень его взгляда скользнула по мне на прощание, после чего он сел на мотоцикл и уехал, оставив меня в полнейшей растерянности.

Что это только что было?!

Глава 3

Музыка гремела так, что казалось — стены дрожат. Свет мигал, резал глаза, а я пила, пила, пила, надеясь, что алкоголь смоет всю ту невыносимую смесь злости, отчаяния и пустоты.

Вадим оживленно рассказывал нашим общим друзьям, как мы попали в аварию из-за того, что какой-то псих, которого я назвала своим охранником, гнался за нами. Он пытался преподнести это как забавный эпизод, несмотря на то, что ему пришлось смывать кровь с лица и застирывать рубашку. Я тоже старалась поддерживать всеобщую атмосферу веселья, но на самом деле мне было совсем не до него.

Я приехала в клуб не для того, чтобы веселиться. Мне нужно было заглушить шум в голове, заглушить воспоминание о том, как его ладонь впивалась в мою руку, как он выволок меня из машины. О том, как его глаза смотрели на меня, пронзая до самого сердца.

Я жестом подозвала официанта. Тело отказывалось напиваться, сознание оставалось чересчур ясным, хотя я уже чувствовала, как качается под ногами пол.

— Аврора, ты тормозни, — шепнул Вадим мне на ухо. — Тебе уже хватит. А то придется тебя на руках нести...

— Пошли танцевать! — я потащила его в самую гущу людей.

Я хотела раствориться в этом ритме, в чужих прикосновениях, в чужих лицах, но ничего не получалось. Я повсюду видела *его*. Его руки, сжимающие меня. Его глаза.

Видела его даже там, где его быть не могло. В отблеске огней на зеркальной стене, в силуэте у входа, в татуированных руках какого-то парня, мелькнувшего рядом.

Я вернулась к столику.

— Эй, красотка, ты слишком хороша, чтобы сидеть одна, — бросил мне незнакомец и поставил передо мной коктейль. Я была только рада — теперь, когда у меня совсем нет собственных денег, когда все мои карточки заблокированы, мне остается только гулять за чужой счет.

Я схватила бокал и почти залпом его осушила.

— Ты, кажется, перебарщиваешь, — Вадим тронул меня за руку. Я увидела, что у него нос распух от удара об руль. Мне стало жаль его. Он так пострадал из-за меня... И его новая машина.

— Я в порядке. Просто хочу... развеяться.

Он нахмурился, хотел что-то еще сказать, но я уже встала и снова пошла на танцпол.

Но на этот раз ноги вели себя странно — не слушались, как будто мигом стали ватными. Перед глазами все поплыло гораздо сильнее. Я осела на пол, пытаюсь отдышаться. Сердце колотилось слишком быстро, дыхание сбивалось, а мысли путались.

"Со мной что-то не так..." — пронеслось в голове.

Но я отмахнулась. Наверное, наконец подействовал алкоголь.

Я оглянулась по сторонам — люди смеялись, танцевали, касались друг друга. Никто не смотрел на меня. Но у меня было отчётливое ощущение, что за мной следят.

Что он где-то здесь.

Шах.

Я даже на секунду поверила, что вот сейчас увижу его в толпе.

Как только я встала, клуб закружил меня в своей бешеной воронке. И стало ясно как день: я уже ничего не контролирую.

Тело не слушалось. Кожа горела, как в лихорадке, волосы липли к вискам. Реальность вокруг сыпалась, как песок сквозь пальцы.

Мне нужно было срочно выбраться из толпы, в которой я начинала задыхаться.

— Аврора! — донесся до меня крик Вадима, и я оглянулась. Он пробирался за мной.

Я почти добралась до выхода, я уже чувствовала впереди прохладу ночи, но тут на меня что-то налетело, сбilo с ног.

Меня прижали к земле, так, что грудь сдавило. Руки грубо выворачивали назад. Я кричала, но сама не слышала своего голоса, он растворился в общем шуме, в панике, в чьих-то выкриках.

— Лежать! Руки за голову!

Перед глазами замелькали тени в черных куртках, вспышки фонарей, чужие лица в полумраке клуба. Музыка оборвалась, будто кто-то выключил рубильник.

— Вы че творите...! — успел крикнуть Вадим прежде, чем его тоже уронили на пол рядом сомной.

Я видела, как его прижимают ногами к полу, бьют тяжёлым ботинком в бок. Его лицо оказалось прямо напротив моего — перекошенное от боли, глаза полные ужаса.

В следующую секунду холодный металл сомкнулся на моих запястьях — наручники.

— Это какая-то ошибка! — услышала я крик Вадима, которого волокли к выходу. — Вы за это ответите!

Голос его сорвался, захрипел, когда кто-то ударил его, чтобы он заткнулся.

Меня тоже подняли и толкнули вперед, заставляя идти. В голове вспыхнула запоздалая мысль: «Коктейль... мне туда что-то подмешали...»

Глава 4

Меня запихнули в машину с решетками на окнах.

— Я ничего не делала! — закричала я, но в ответ лишь услышала:

— В отделении объяснишь.

Всё происходящее казалось каким-то дурным сном. Но сны не бывают такими реальными — с металлом, который режет кожу на запястьях.

Когда меня посадили на металлический стул в кабинете следователя, я чуть не завалилась на бок — настолько ватным и ослабленным было тело.

Они что-то записывали, щёлкали ручками, переговаривались. Я не понимала, что вообще происходит.

— Вам вменяется хранение, сбыт и распространение запрещенных веществ, — произнёс мужчина в форме.

— Что? — я вскинулась, но тут же почувствовала, как наручники болезненно дернули запястья. — Нет! Это ошибка! Я... я не... Я даже не знаю, о чем вы говорите!

— Мы обнаружили следы запрещенных веществ у вас в организме, — холодно отрезал другой. — Где брали? Кто передавал вам вещества?

Я вспомнила тот последний коктейль — как он сладко обжег горло, когда я почти залпом выпила его. Ухмыляющееся лицо незнакомого парня, когда он протянул мне бокал...

— Я жертва, понимаете?— попыталась объяснить я. — Мне что-то добавили в коктейль!

Мне не верили — это было ясно даже по взгляду, который полицейский бросил на меня. Для них я была просто очередной "дилеркой", богатенькой девчонкой, которая решила подзаработать на таблетках. Меня слушали ровно столько, сколько нужно было, чтобы создать видимость.

Потом в комнату завели Вадима. Он выглядел уже не таким дерзким и уверенным, каким всегда любил казаться, а испуганным и растерянным. Он тоже пытался оправдываться, но его почти не слушали, как и меня.

Я смотрела на свои колени, ободранные об асфальт, и не могла поверить, что это всё действительно происходит со мной. Я знала только одно: всё происходящее — ловушка. И выбраться из неё будет куда сложнее, чем из отчего дома этой ночью.

— Сейчас проведём обыск, — услышала я голос.

У меня не было сил сопротивляться, но сама мысль о том, что меня будут обыскивать, вызывала тошноту.

Они схватили мою сумочку, которая лежала на столе, достали оттуда помаду, зеркальце, пачку жвачки и... Маленький прозрачный zip-пакет, в котором лежали таблетки.

— Это... это не мое! – выдохнула я испуганно. – Мне подбросили!

Они переглянулись между собой с такой снисходительной улыбкой, словно слышали эту фразу тысячу раз.

В этот момент Вадим дернулся вперед.

– Это мое! – выкрикнул он. – Это всё мое, ясно? Она тут вообще ни при чем!

Один из офицеров криво усмехнулся:

– Значит, барыжил ты, а она помогала? Значит вместе и будете отвечать.

Я не понимала, что страшнее – перспектива, что они действительно поверят в эту абсурдную версию или то, что Вадим и правда каким-то образом замешан.

Одно я знала точно: он увяз вместе со мной. Неважно, виноват он или нет, для них мы уже были одним целым.

– Нет! – крикнула я. – Вадим тут не при чем, так же, как и я! Вы не имеете права... Мне нужно позвонить матери! Немедленно!

Мне неожиданно безропотно принесли телефон. Когда мама сняла трубку, я заговорила торопливо, сбивчиво: всё вывалила разом — про клуб, про коктейль, про задержание, про таблетки, про Вадима. Я ждала от нее криков, истерики, слез, чего угодно... но только не этого.

— Успокойся, — только и сказала она. Она не удивилась. Будто ждала чего-то подобного.

— Мама, — я задыхалась, слова путались, — ты не понимаешь, они нашли у меня таблетки, я не знаю откуда, они думают, что я... что я с Вадимом... что я тоже... — я не могла договорить. Горло сдавило, в глазах поплыли слёзы. — Я прошу тебя, сделай что-нибудь!

— Аврора, я предупреждала тебя, что это всё плохо закончится.

— Мама... пожалуйста... я не знала, я не виновата, я...

— Я поняла, — перебила она. — Сейчас пришлю человека. Он знает, что делать. Тебе нужно слушаться его во всем.

— Какого человека? Кто он? Что он будет делать?

— Жди, Аврора. Он скоро придет.

И после этих слов она бросила трубку.

Глава 5

Следователи еще пытались задавать мне какие-то вопросы, но лениво, словно сами понимали бессмысленность этих диалогов.

Навязчивое, тяжёлое ощущение, что мать всё знала заранее, не оставляло меня.

Почему-то мне казалось, что за мной приедет именно Шах. Внутри поднималось странное чувство — смесь тревоги, страха, ожидания и какого-то болезненного предвкушения. Я почти слышала его шаги.

Наконец дверь распахнулась, и я на секунду задержала дыхание.

Но это был не он. На пороге появился старик с холодным взглядом. Надо же, Виктор Аркадьевич лично заявился в участок, чтобы забрать меня.

Самое странное началось в тот же миг: словно по невидимому сигналу, полицейские один за другим встали, и, не говоря ни слова, просто ушли, будто им здесь больше нечего было делать. Словно их работа уже закончена. Вадима тоже вывели из кабинета.

Меня оставили один на один с этим человеком. Его тяжёлый взгляд прожигал меня, а улыбка, в которой не было ни капли тепла, заставила кожу покрыться мурашками.

— Ну что, Аврора, — произнёс он, — крепко же ты встря-

ла... И подставила заодно своего дружка. А ведь я предупреждал, что враги твоего отца не дремлют. Но ты меня не послушала. Вот и доигралась.

И меня вдруг осенило — это он. Не какие-то там мифические враги отца, о которых он и мать все время твердили, а именно он — тот, кто всё это устроил.

— Ты хоть понимаешь, во что вляпалась? — он продолжал давить на меня. — Это серьезная статья. Тебе светит срок, реальный срок. А твой дружок? Ему тоже не позавидуешь. Сядете оба. Впаяют вам самую вышку.

Я начинала задыхаться от ужаса и бессилия. Слезы обожгли глаза, но я упрямо моргала, не желая давать ему того, чего он добивался.

Он наклонился ближе, коснулся моих волос, ласково погладил.

Я резко дернулась. Мне ужасно захотелось его ударить, но руки у меня все еще были скованы.

Он отстранился и с лёгким вздохом, как будто подытоживая, сказал:

— Но я могу помочь.

Я замерла, всхлипывая. Что для меня страшнее: тюрьма или его "помощь"?

— Ты выйдешь отсюда сегодня же. Но цена... Ты ее знаешь.

Не предложение — приговор. Ловушка, в которую меня загнали.

В этот момент я подумала о матери и, наконец-то, всё поняла. Они заодно. Он и моя мама.

Я была совершенно одна — *одна против всех*.

Вместе с отчаянием пришла ярость.

— Это всё вы устроили! Всё это ваша работа!

Улыбка дрогнула на его губах. Он даже не думал отрицать.

— У полиции достаточно улик, чтобы отправить твоего дружка за решётку лет на десять, а то и пятнадцать. Готова, что из-за тебя пострадает невиновный? Его вина лишь в том, что он влюблен в тебя, Аврора.

Я почувствовала, как на спине выступил холодный пот.

— Есть только один выход...

— Никогда! — сорвалось с моих губ. — Слышите? Никогда!

Его улыбка дрогнула, но не исчезла. Он смотрел на меня с любопытством, словно изучал загнанное в угол животное, которое вдруг попыталось оскалиться.

— Ты — глупая девчонка. Сегодня же тебя увезут в СИЗО, и твой друг окажется там же. Тогда посмотрим, как ты запоёшь...

Меня посадили в одиночку. Каморка была совсем крошечной: бетонные стены, жесткая кровать и решётчатое окно под потолком, куда почти не проникал дневной свет.

Я не знала, сколько времени прошло. Неделя? Больше?

Мне снились кошмары, и я уже не понимала, где сон, а где явь. Я просыпалась в холодном поту, думая, что кто-то стоит

у двери. Иногда мне казалось, что я слышу голос отца.

Мыслями я снова и снова возвращалась к нему. Он мог быть строгим, даже суровым, но я всегда знала, что он хочет для меня самого лучшего. Что он просто меня обожает. Я — его первенец, его маленькая избалованная принцесса.

Я помнила, как он говорил, что со мной никогда ничего не случится, пока он рядом.

Но его больше не было рядом. Его вообще больше не было.

Однажды мне вдруг привиделось его лицо — слишком явно, слишком живо.

— Папа... — прошептала я, и слёзы сами потекли по щекам. — Как ты мог меня оставить? Как ты мог вот так бросить меня одну?

— Я бы никогда не оставил тебя, дочка. Не верь им. Ищи правду...

Видение растаяло в воздухе камеры.

Тут же отворилась тяжелая дверь. Свет из коридора хлынул в камеру, растворяя темноту, в которой я жила все эти дни, и ко мне в камеру зашла моя мама.

— Аврора, — произнесла она хрипло, — упрямая девчонка... Сколько ты еще будешь упираться?

Я молчала.

— Если тебе не жаль сестру и брата, если тебе плевать на мать, — она приблизилась ко мне, — то хотя бы себя пожалей. Тебе что, нравится сидеть в этой дыре, где день за

днем ты теряешь рассудок? Ты хочешь, чтобы я похоронила не только твоего отца, но и тебя?

Она подошла вплотную, заглянула мне в глаза.

— И подумай в конце концов о нас. О брате и сестре, которые пострадают из-за твоего эгоизма. Они ничего плохого не сделали, но они будут расплачиваться за твоё упрямство. Им перекроют все дороги, все возможности... Ты готова похоронить их будущее ради своей гордыни?

Мать ударила именно туда, где больно. Я не хотела, чтобы пострадали близкие мне люди. Сестра, брат, мать, Вадим...

— Здесь тебя будут держать столько, сколько сочтут нужным, — мама резко наклонилась ко мне. — Неделя? Месяц? Год? Сколько ты ещё выдержишь? Они доведут тебя до того, что ты сама будешь умолять об их условиях.

И вдруг я поняла, что единственное, чего я жду — это чтобы она хоть на секундочку прижала меня к себе, как когда-то в детстве, когда я болела или плакала. Я ждала этого прикосновения, слов утешения, хоть крохи любви.

Но мать только выпрямилась и сухо сказала:

— Я сделала все, что могла. Дальше решай сама.

Дверь захлопнулась, и невыносимая тишина накрыла меня с новой силой.

И в ту же секунду во мне что-то сломалось. Я соскользнула вниз, к стене, осела на грязный пол, прижалась лбом к холодному бетону.

Я плакала и клялась, что однажды отомщу тому, кто раз-

рушил мою жизнь. Я жила этой мыслью, дышала ей, и только она придавала мне сил.

Глава 6

Мать стояла за моей спиной и расчесывала мои длинные волосы.

— Как они испортились! — проворчала она. — В тюрьме вода совсем жесткая. И ты так похудела... Смотри на себя: кожа да кости! И перестань плакать, наконец! Из-за слёз у тебя лицо распухло, и красоты твоей как не бывало!

— А для кого мне нужно быть красивой? Для старика?

Мать нахмурилась, но ничего не сказала. Провела гребнем чуть резче, распутывая пряди.

А я едва слышно, почти шёпотом, спросила:

— Ты можешь рассказать мне, как именно умер отец?

Она сделала вид, что не слышит.

— Мам, пожалуйста! Скажи мне, как это произошло? Как он... это сделал?

Она резко дёрнула расчёску.

— Перестань, Аврора. Ты не понимаешь...

— Я понимаю, что здесь что-то не так! Папа мне сам сказал, что он не делал этого! И ты... ты точно знаешь больше, чем говоришь!

— Аврора! — мама испуганно уставилась на меня. — Ты, кажется, сходишь с ума!

Вдруг дверь распахнулась.

— Что ты здесь делаешь? — вырвалось у меня, когда я

увидела на пороге Шаха. — Это моя спальня! Ты не имеете права сюда входить! Мама, скажи ему!

Но она швырнула расчёску на столик так, что та с грохотом ударилась о зеркало, и сразу же вышла.

И я поняла, что Шах имеет право делать *вообще всё*.

Он прошёл мимо, поставил у стены ящик с инструментами, достал молоток и длинные металлические полосы.

Я растерянно наблюдала за тем, как он отодвигает занавеску, распахивает створку окна, точно собирается его чинить. Но через секунду до меня дошло: он вовсе не чинить его собирается!

— Что ты делаешь? Остановитесь! Немедленно остановись!

Он заколачивал окно, из которого я однажды уже выбралась.

Я сорвалась с места, не выдержав этого глухого звона молотка, этого спокойного и обречённого ритма, с которым он загонял гвозди в дерево, лишая меня воздуха, лишая хоть какой-то надежды. Я кинулась к нему, вцепилась в его руку.

Он повернул голову, встретился со мной взглядом. Ни ярости, ни злости, ни даже раздражения. И в ту же секунду его рука, сильная, неумолимая, сжала мое запястье и мягко, но безоговорочно отодвинула меня от себя.

Я бессильно рухнула на кровать.

Молоток снова стукнул по дереву, и я закрыла уши ладонями, чтобы не слышать этого звука.

— Что же с тобой случилось, что ты стал... Сторожевым псом для мерзавца? — тихо спросила я

Я помолчала немного, ожидая ответа, но его, конечно, же не последовало.

— Ты же не родился таким! Ты, наверняка, был хорошим маленьким мальчиком, — продолжила я говорить больше сама с собой. — У тебя была мать, отец... Что же с тобой произошло? Неужели в тебе не осталось ничего человеческого? Ни чувств, ни жалости, ни... души?

Я понимала, что это бесполезно, что ему всё равно. Что он останется глух к моим словам.

Ну а что еще от него можно ожидать? Сторожевым псам не положено разговаривать...

— Мои родители погибли, — вдруг неожиданно раздался его голос.

— Что...? — я приподняла голову.

Он замер. Так и стоял несколько секунд, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, будто решая стоит ли говорить дальше.

— Мои родители погибли, — повторил он так же отрешённо. — Когда я был совсем маленьким. И тот, кого ты только что назвала мерзавцем, взял меня на воспитание.

— Взял на воспитание... — глухо повторила я. — То есть заменил тебе семью?

— Он и есть моя семья, — отрезал Шах.

Я внимательно смотрела на его лицо, пытаюсь уловить в

нем хоть какой-то намёк на застарелую боль, на сожаление, на злость за украденное детство. Но оно оставалось непро- ницаемым, как будто он рассказывал не свою, а чью-то чу- жую трагическую историю.

— А если бы твои родители были живы? — выпалила я.
— Кем бы ты стал тогда?

Я заметила, как по его лицу пробежала едва заметная тень.

— Не знаю, — ответил он после паузы. — Никогда не ду- мал об этом.

— Конечно, тебе же не позволено думать. Он вырастил тебя таким, каким хотел...

— Я обязан ему жизнью, — произнёс он глухо. — Он за- менил мне отца.

— Нет, — покачала я головой. — Ты обязан жизнью тем, кто её тебе подарил. Твоим настоящим отцу и матери. А он... просто забрал тебя, чтобы сделать своим оружием.

Я видела, как его пальцы чуть сильнее сжали молоток.

— Ты хоть помнишь их? Лица? Голоса? Хоть что-нибудь? Или он стер из твоей памяти всё, что могло напоминать тебе, что когда-то у тебя была нормальная жизнь?

На этот раз он не ответил. Отвернулся и молча забил по- следний гвоздь.

Но я уже нащупала то самое место в его сердце, где он все ещё был живым человеком. Но тронуть это место было всё равно что сунуть руку в пожар.

— Как они умерли? — тихо спросила я. — Ты сказал — «погибли». Что это значит? Авария?

— Их убили. И не смей, — хрипло сказал он. — Не смей туда лезть.

— Значит, мы с тобой оба заложники одного и того же человека. Только разница в том, что я ещё борюсь. А ты давным-давно сдался.

Он шагнул ко мне, и мне показалось, что сейчас он меня ударит, сожмёт в своих железных тисках, заставит замолчать. Но он лишь навис надо мной, тяжело дыша, и тихо сказал:

— Ты ни черта не понимаешь... Наглая, избалованная кукла. Не понимаешь, что он *для меня* сделал!

— Нет, — прошептала я, не отводя взгляда. — Это ты не понимаешь, что он сделал *с тобой*!

Он выпрямился, уже собираясь выйти, но на секунду задержался на пороге.

— Учти, что я останусь здесь, — хрипло сказал он. — В соседней комнате.

— Какого черта?

— Чтобы ты снова не натворила глупостей.

— Может, тогда сразу на моей кровати устроишься? Или на коврик у моих ног? — процедила я сквозь зубы.

Не дожидаясь новых колючих слов от меня, он отвернулся и вышел. Дверь закрылась, шаги его удалились всего на пару метров — и стихли.

Я не могла видеть его, но я чувствовала: он там, за этой тонкой перегородкой, всего в нескольких шагах от моей постели.

От осознания этой близости мне стало еще больше не по себе. С одной стороны — нахлынула злость: меня посадили в клетку и приставили сторожевого пса, лишили права даже дышать свободно. А с другой — смутное, тревожное чувство, которое я пока еще не могла разгадать.

Глава 7

Я пыталась его игнорировать, даже не смотреть в его сторону. Злилась, огрызалась, язвила, но с каждым днём при-
выкала к нему всё сильнее. Эта тень, которую я ненавидела, постепенно перестала казаться мне тенью. Она обретала форму, голос, свои особые черты.

И в какой-то момент я просто смирилась с тем, что ничего не могу с этим поделать.

Мы начали разговаривать — нам приходилось обсуждать какие-то бытовые моменты. Иногда я задавала ему вопросы. Иногда он отвечал. А я ловила себя на том, что жду его ответов, хочу слышать его мысли, узнавать больше о нем.

Он ничего не спрашивал у меня, старался держаться отстраненно, но я замечала, как меняется его лицо в моём присутствии: суровые черты смягчаются, в глазах тают вековые льды.

Мы проводили всё время вместе. Не потому, что хотели этого — а потому, что нам приказали. Тогда почему это стало чем-то большим, чем принуждение? Его шаги рядом... Его руки, которых я могла коснуться только в одном случае — когда он помогал мне выйти из машины. Его молчание, в котором я находила странное успокоение.

По ночам мне казалось, что я слышу его дыхание за стеной. Ловила звуки его шагов, запах сигаретного дыма, когда

он выходил на балкон. Все это было якорем, который спасал меня от ночных кошмаров.

А между тем, подготовка к свадьбе шла полным ходом.

Шах сопровождал меня всюду, куда бы я ни пошла — таков был приказ моего будущего владельца. Даже на встречу с подругами я не могла пойти одна.

Он, разумеется, не сел рядом, а выбрал столик чуть поодаль — но его появление всё равно произвело настоящий фурор среди моих подруг.

— Ого! — Лена присвистнула, глядя на него. — Это кто такой?

— Мой охранник, — бросила я, погружаясь в изучение меню.

— Я бы с удовольствием прокатилась на таком жеребце...

— Даже два круга! — добавила Мила, и все засмеялись.

Я почувствовала, как у меня вспыхнули щеки:

— Хватит, перестаньте...

— Признайся честно... У вас уже было?

— Ты с ним переспала? — Даша спросила прямо в лоб.

— Или хотя бы целовалась? — подхватила Мила, подталкивая меня локтем.

Я уткнулась взглядом в чашку с кофе, пытаясь скрыть смущение. Сказать правду? Что у меня ещё не было *этого* никогда и ни с кем? Это означало бы стать объектом насмешек.

— Это не ваше дело, — выдавила я наконец.

Подруги переглянулись, и их смех стал ещё громче.

В этот момент Шах поднялся из-за своего стола. Не было никаких сомнений в том, что он услышал каждое слово и сразу понял, какое именно впечатление произвел. Он сказал мне, проходя мимо столика:

— Я отойду ненадолго...

Стыдно признаться, но я впервые взглянула на него глазами моих подруг... И поняла, *почему* они так на него реагируют.

Это правда — он был красив. Высокий, сильный, молодой, с уверенной осанкой.

— Ну раз у вас ничего не было, — Лена хитро сощурилась, вытаскивая из сумки телефон. — Дай мне его номер! Я скажу, что мне тоже требуется охрана...

— Так, а мне тоже нужно!

— Хватит! — я резко оборвала неприятные мне разговоры. — Никакого номера я не собираюсь вам давать.

Подруги с недоумением уставились на меня, а потом разразились смехом.

— Смотри-ка, — хмыкнула Мила. — Говорит, что ей всё равно... А не желает делиться!

Щеки у меня горели. Мне хотелось сказать им: «Мне действительно на него всё равно, если хотите взять — берите», но язык не поворачивался.

Потому что на самом деле мне не было всё равно.

Быстренько свернув девичьи посиделки, я вышла на ули-

цу. Шах стоял у двери и курил, опираясь на стену.

— Пойдем? — я кивнула в сторону машины, и он сразу же отбросил сигарету щелчком.

Я шла рядом, стараясь даже на него не смотреть — слова вдруг никак не выходили из головы.

— Знаешь, — сказала я как будто между прочим, — а они на тебя запали... Хочешь, дам им твой номер?

— Не стоит, — коротко бросил он.

— Боишься, что подерутся из-за тебя? — я хмыкнула и, не получив никакого ответа, спросила осторожно: — Или у тебя уже есть кто-то, кто будет против? Девушка...? Жена...?

— Зачем тебе это знать?

— Просто хочу убедиться, что мои подруги не зря строят на тебя планы...

— Скажи им, чтобы никаких планов на меня не строили.

— Значит, у тебя кто-то есть...

Даже я уловила в своем голосе явное разочарование.

Конечно же, его заметил и Шах.

— У меня никого нет, но... — сказал он, бросив на меня взгляд. — Для них я — занят.

Я выдохнула, едва не выпалив следующий вопрос — а есть ли кто-то, для кого ты свободен?

Но я сумела вовремя сдержаться, прикусила язык. Может, потому что уже тогда догадывалась, каким может быть его ответ?

Глава 8

День свадьбы приближался неумолимо — эта чёрная дата в календаре.

Каждое утро я просыпалась с одной мыслью: *должен быть способ*. Я должна что-то сделать.

Убежать? Но Шах следовал за мной, словно тень. Попросить помощи? Но кому я нужна? И кто сможет тягаться с могуществом старика?

Днём я ещё как-то пыталась держаться. Днём легче обманывать себя: отвлекаться на мелкие дела, на бесконечные приготовления к свадьбе, на слова матери, на пустые разговоры, на выбор ткани, нарядов, украшений. Я покорно примеряла свадебные платья, позволяла матери ухаживать за моими волосами, и казалось, что всё это можно вынести, если я и вправду превращусь в послушную куклу.

Но ночи... ночи были адом. Я лежала, уткнувшись лицом в подушку, и плакала, стараясь не всхлипывать слишком громко, чтобы никто не услышал. Я не могла уснуть. Бессонница крепко держала меня за горло.

В те редкие ночи, когда заснуть мне все-таки удавалось, приходили сны. Вернее, кошмары. Отец снова являлся мне. Его родное и любимое лицо было мрачным, искажённым страданием.

— Я бы никогда тебя не оставил... Ты должна это знать...

— твердил он.

Потом тьма затягивала его, и он исчезал. Я звала его, рвалась к нему, а потом просыпалась с криками отчаяния.

И в этот раз я тоже очнулась от собственного крика. Грудь сжимала такая боль, что я почти не могла дышать. Я рыдала, захлёбывалась слезами, била руками по подушке, будто так могла прогнать кошмар, что душил меня изнутри.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Шах. Я не увидела этого, но почувствовала — как чьи-то сильные руки подхватили меня, прижали к себе. Я узнала его тепло, его силу, его запах. А потом и его голос.

— Аврора... тише... это сон, всего лишь сон, — в его голосе было странное, непривычное тепло. — Это всего лишь сон, тебе просто нужно проснуться...

Ах, если бы все было так просто! Но в моем случае я, проснувшись, просто переходила в другой кошмар — моя жизнь наяву и была кошмаром.

Я уткнулась лицом в его грудь, теперь уже мокрую от моих слёз.

— Его... убили... — прошептала я, захлёбываясь слезами.
— Папу... он сам сказал мне... сам сказал...

Шах замер, крепче сжал меня в объятиях. Его рука неуверенно скользнула по моим волосам. Очевидно, что он не знал, как правильно утешать, но, кажется, очень старался.

— Это был сон, — повторил он мягче, — просто сон.

— Нет, не сон, но вы мне не верите, — всхлипнула я. —

Никто не верит!

— Я тебе верю, — сказал вдруг Шах неожиданно серьезно.

Я подняла на него глаза, распухшие, красные от слёз, и увидела в его взгляде то, чего никогда прежде не замечала. Там было сочувствие. Там была теплота. Там была... Нежность?

Он не отталкивал меня. Не пытался уйти. Просто был рядом и готов был быть столько, сколько понадобится. Именно тот, кого я считала своим надзирателем, тюремщиком, врагом, тем, кто запирал мои окна и дышал мне в спину — вдруг становился единственным, кто удерживал меня от окончательного падения.

Вдруг мне в голову пришла неожиданная мысль, от которой по коже побежали мурашки. Может быть, именно он сможет мне помочь? Не мать, готовая продать меня ради своей выгоды. Не друзья и подруги, которые даже не понимают, что моя жизнь превратилась в ад. А Шах...

Да, он служит тому, кто уничтожает меня, он — оружие в руках мерзавца. Но с другой стороны... Его ладонь сейчас гладит меня по волосам, руки прижимают к груди, а глаза... Глаза полны сочувствия.

— Как тебя зовут? — еле слышно произнесла я.

— Что?

— Как тебя зовут? Имя? — я оторвалась от его груди, подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза. — Скажи мне

свое имя. Не могли же родители назвать тебя «Шах»?

Он молчал так долго, что я уже потеряла всякую надежду на то, что мне удастся услышать ответ.

— Артур, — наконец тихо произнёс он. — Артур Шахов... Уже очень давно никто не спрашивал моего настоящего имени...

— Красиво, — прошептала я, прикрывая глаза. — Подругам понравится...

Он чуть усмехнулся и неожиданно крепче прижал меня к себе. Эти объятия... В них уже не было никакой необходимости. Я давно успокоилась, не рыдала, не кричала. Он легко мог бы встать и уйти к себе в комнату, убедившись, что я пришла в себя.

Но он остался. Продолжил гладить меня по волосам.

А я лежала, закрыв глаза, на его груди, и представляла, как могла бы попросить его. Как могла бы сказать: «Артур, помоги мне... я не выдержу». И как бы он молча поднялся, взял меня за руку и вывел из этого дома, вывез далеко, туда, где никто и никогда нас не найдет. Я уже видела эту картину слишком отчётливо, будто это были не просто мои мечты, а реальность, которая действительно могла случиться.

И с этой мыслью, что именно он — мой единственный шанс на спасение, я и уснула, зажатая в его руках, с мокрым от слёз лицом.

Глава 9

Утром морок рассеялся, и я поняла, что мои ночные надежды были напрасны. Шах не сделает этого. Не потому, что ему меня не жаль — немного жаль, наверное, а потому что у него был долг, который гораздо важнее. Его мир держался на верности человеку, которого я ненавидела. Мы оба были пленниками — только он носил свои цепи покорно, а я — из всех сил пыталась их сбросить.

Но я уже не могла перестать думать об этом.

Что, если я всё-таки рискну рассказать ему о своём плане?

Впрочем, никакого плана у меня ещё не было. Были только ночные слёзы, отчаяние и надежда на то, что он — мой единственный шанс. Но я тут же пугалась собственных мыслей. Потому что довериться ему — значило поставить свою жизнь в зависимость от его выбора. И если я ошибусь... если он выдаст меня... тогда у меня уже не останется ни малейшего шанса.

Мне придется его... Соблазнить. Само слово будто обжигало. Но чем ближе становилась свадьба, тем явственнее я понимала: честь и гордость — роскошь для свободных. У меня их давно отняли.

Если он позволил мне рыдать у себя на груди, может, он позволит мне гораздо больше? И после этого он перестанет видеть во мне долг, а увидит просто девушку? И может это

сломает его верность тому, кто держит нас обоих в клетке?

Я выбрала время, когда дом уже затих. Оставила на себе только кружевное нижнее бельё и обернулась простынёй. Встала у окна, где лунный свет рисовал серебряные полосы на полу, прислушиваясь к каждому звуку за стеной. Во мне метались стыд, страх и странная решимость.

Наконец, раздались шаги. Он шел, чтобы перед сном проверить, всё ли у меня хорошо.

Дверь скрипнула — и он вошёл.

Я развернулась к нему и, прежде чем успела передумать, выпустила простыню из рук. Она соскользнула на пол мягким облаком, а я осталась в этом лунном свете, обнажённая.

Он замер в проёме, глаза его расширились.

— Аврора... — он произнёс моё имя с каким-то странным изумлением, будто не верил, что действительно видит меня такой.

Я заставила себя выдержать его взгляд. Щёки горели, ладони дрожали, но всё внутри меня кричало: *смотри же, смотри на меня!...*

— Что ты делаешь... — процедил он сквозь зубы.

Я ждала, сама не зная, чего жду: жалости, гнева, шага навстречу? Я будто прыгнула в пропасть, и теперь все зависело от того, что сделает Шах.

— Оденься, — сказал он тихо, — прошу... Иначе...

— Что иначе?

Он прикрыл глаза и рывкнул:

— Оденься, я тебе сказал!...

Я покачала головой.

Тогда он шагнул в комнату, схватил с пола простыню, грубо завернул меня в нее и толкнул на кровать. После чего вышел из моей комнаты, хлопнув дверью.

Некоторое время я лежала на кровати, растерянная, ошеломленная, и прислушалась. За стенкой слышался глухой ритм — будто кто-то отбивал счёт. Я встала с кровати и пошла на звук. Остановилась у приоткрытой двери соседней комнаты.

Он был там — отжимался на полу. Ладони упирались в ковёр, спина выгибалась с каждым движением. Чёткое, ритмичное дыхание сливалось с еле слышным скрипом досок. В свете ночника кожа его поблёскивала потом.

— Не спится? — сказала я.

Он оттолкнулся, сел, вытирая лицо полотенцем, и небрежно бросил:

— Если не спится, я тренируюсь. Усталость помогает заснуть.

Я прошла ещё пару шагов вглубь комнаты, сама не понимая, что делать дальше. Сердце колотилось, ладони вспотели. Села напротив него на кровать.

— А если... Что, если я составлю тебе компанию? Вдвоём ждать сон проще, чем в одиночку.

Я подалась чуть ближе, так, что наши плечи почти соприкоснулись. Сказала шёпотом, словно доверяла тайну:

— Может, это странно просить у человека, который держит тебя под замком, просто побыть с тобой рядом. Но, может, именно этого я от тебя и хочу...

Я попыталась принять какую-то соблазнительную позу, устроиться на кровати так, как это делают роковые соблазнительницы в фильмах про любовь. Но край шелковой простыни был таким скользким, что я соскользнула и нелепо поехала вниз, грохнувшись на пол.

Шах бросился ко мне:

— Ты ударилась?

— Нет... всё в порядке, — пробормотала я, чувствуя себя ужасно глупо. Так старалась выглядеть лёгкой, соблазнительной, а вместо этого — скомканная сцена, нервный смех.

— Тебе лучше пойти спать, — произнёс он твердо.

— А если я хочу остаться? — прошептала я, чувствуя, как его руки обвивают мое тело.

— Нет! Даже не думай!

Он встал на ноги, удерживая меня у себя на руках, прошел со мной по коридору, зашел в комнату и бросил на кровать.

— Оставайся здесь! — сказал он и вышел.

Несмотря на то, что Шах буквально выгнал меня из своей комнаты, я узнала главное — ему тяжело справляться со своими желаниями, когда я нахожусь рядом. Теперь я ясно видела его слабое место...

Глава 10

Я изводила его целыми днями. Постоянно искала его взгляд, задерживала пальцы на его руке так долго, что это было почти неприлично, под любым предлогом заводила откровенные разговоры, когда мы оставались вдвоём. И Шах уже не знал куда от меня деться.

Его глаза выдавали его: в них каждый раз появлялась какая-то странная, мучительная нежность, когда я приближалась к нему. И мне было гораздо легче от того, что я была не одна в этой бесконечной пытке. Теперь Шах мучился вместе со мной.

Если бы он мог, он бы, наверное, отказался бы от этой «работы». Но он не мог...

— Ты играешь с огнём, — бросил он однажды.

— А может, я хочу согреться этим огнем? — ответила я, подходя к нему ближе.

Он резко отстранился.

— Ты скоро станешь женой другого человека. Подобаешь ли тебе вести себя так?

— Почему я должна хранить верность тому, кого ненавижу?

Я видела, как сжались его пальцы в кулаки, будто Шах готов был схватить меня за плечи, встряхнуть, чтобы я пришла в себя — или, может быть, наоборот, прижать к себе?

— Почему ты упрекаешь меня? — сорвалось с моих губ.
— Ты говоришь так, словно я сама мечтаю об этой свадьбе. Словно я хочу принадлежать ему...

— Это неважно. Ты должна вести себя прилично и не позорить имя будущего супруга...

— Это сделка, — перебила я с горькой усмешкой. — Выгодная всем, кроме меня. Я не хочу становиться его женой, Шах. Всё это происходит против моей воли, понимаешь?

Он шагнул ближе, слишком близко, так что я почувствовала тепло его тела, запах его кожи, тяжелое дыхание. В его глазах вспыхнуло что-то, что он пытался скрыть — но уже не мог.

— Так почему ты стыдишь меня, если единственное, чего я хочу — это быть свободной? Или... быть с тем, кто нравится мне самой...

— Ты ходишь по краю, — глухо произнёс он.

— А ты, — прошептала я в ответ, наклоняясь ближе, — боишься признаться кое в чем даже самому себе...

В его глазах мелькнула боль, злость, желание — всё и сразу, так что дыхание у меня перехватило.

— Почему я не могу быть честной в том, чего я хочу на самом деле? Почему не могу проявить интерес... к тебе? — мой голос дрогнул, но я выдержала паузу, чтобы каждое мое слово имело вес. — Ты ведь видишь это. Чувствуешь.

Он застыл, глядя на меня. Моё признание буквально пригвоздило его к месту. Я продолжила, не давая ему отступить:

— Ты молодой. Сильный. Красивый. А он... он старик, злой и жестокий. Разве это справедливо — мне быть с ним, а не с тобой? Разве это правильно?

Я заметила, как его дыхание сбилось. Его взгляд метался: то на меня, то куда-то в сторону.

— Аврора... не говори так.

— Почему? — я не отступала. — Боишься услышать правду? Боишься признать, что я права?

Он не знал, что мне ответить. Я видела, как отчаянно он борется с самим собой.

Потом он шагнул ко мне. Его ладонь схватила моё запястье, и от этого резкого движения я сама едва не потеряла равновесие.

— Хватит, — прошипел он сквозь зубы.

— Скажи, что тебе всё равно на меня. Скажи, что я ошибаюсь... Что ты ничего ко мне не чувствуешь...

Его хватка усилилась, и он рывком притянул меня ближе. Моё сердце билось так громко, что я была уверена — он слышит его так же ясно, как и я.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, — произнес он хриплым шепотом.

— Понимаю, — бросила я в ответ, почти касаясь его губ. — И именно поэтому я не остановлюсь.

На долю секунды он устало прикрыл глаза.

Мы стояли так близко, что границы между нами будто растворились. Ещё секунда — и мы перестанем быть врага-

ми, перестанем быть пленницей и надзирателем. Останется только это дикое, невыносимое желание.

Я уже чувствовала, как нас накрывает одной волной — слишком сильной, чтобы после неё можно было бы удержаться на ногах. И я сделала крошечный шаг ей навстречу, почти незаметный, но достаточный для того, чтобы наши тела соприкоснулись.

— Артур... — прошептала я его имя.

Он отшвырнул мою руку.

— Хватит! — рявкнул он. — Я ухожу. Больше ты меня здесь не увидишь.

И буквально вылетел из комнаты.

Я провела ладонью по горящему лицу и вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь сквозь слёзы. Он хочет бежать — но бежать уже некуда. Назад дороги просто не существует.

Глава 11

Шах сказал, что уйдет и больше не вернётся, но я, признаюсь, в это не поверила. Я думала — он остынет, и снова будет неотступно рядом со мной, как всегда.

Но его нигде не было.

Неужели я больше никогда его не увижу? Неужели тот, кто был моей последней надеждой, оставил меня?

В этот момент раздался стук в дверь. Я вздрогнула, вся подобралась в ожидании, что сейчас в комнату войдет Шах, но это была всего лишь моя мать, которая сообщила, что у нас важные гости, и мне нужно срочно спуститься в столовую.

Я быстро оделась и вышла. Даже не стала прихорашиваться — волосы убраны кое-как, глаза опухшие после бессонной ночи. И едва переступила порог — меня будто ударило. За столом сидел мой будущий хозяин.

Он посмотрел на меня так, что буквально пригвоздил своим тяжёлым взглядом. Неужели Шах рассказал ему что-то?

Я молча прошла к столу, не сказав ни слова, и села, стараясь даже не смотреть в его сторону.

— Аврора, ты сегодня неважно выглядишь, — с укоризной заметила мать, наполняя мою чашку горячим кофе. — Нужно взять себя в руки... У нас сегодня такой гость...

— Она ещё войдёт в форму, — сказал старик, и от каждо-

го его слова меня передёрнуло. — Молодость всё поправит.

Он говорил обо мне так, словно я товар, который временно повреждён, но скоро снова восстановит свои функции. Как я смогу терпеть такое отношение ко мне, когда он станет моим мужем?

И, словно прочитав мои мысли про замужество, старик объявил:

— Я решил, что нужно перенести свадьбу. Сыграем ее на следующей неделе.

Я оцепенела, шокированная услышанным.

— Но у нас траур, — несмело возразила мать. — Это тяжёлое время для нас...

— Тяжёлые времена требуют быстрых решений, — спокойно возразил он.

— Но у нас же еще ничего не готово...

— Ничего страшного. Отметим скромно.

Я едва удержалась от того, чтобы кинуть в него чем-нибудь тяжелым. Да что там говорить, кажется, я уже была готова даже на убийство! Всё внутри меня протестовало против его присутствия. Против того, что он сидит на месте, где всегда сидел отец. Против того, что моя жизнь скоро будет принадлежать ему, а я должна молчать, смиряться и глотать это унижение.

И в тот момент я думала только об одном: где Артур? Почему его нет рядом? Почему он оставил меня именно сейчас?

— Нам нужно думать о будущем, — снова заговорил старик. — О крепкой семье... О наследниках...

Я едва не выронила чашку. Ему нужен ребёнок. Ребёнок от меня. У меня скрутило внутри, будто всё нутро сжалось в судороге. Я с трудом могла дышать, и мать, которая сидела рядом, это заметила.

— Аврора ещё так молода, — пробормотала она. — Вам хорошо бы сначала пожить для своего удовольствия. Получше узнать друг друга...

— Молодость — не помеха, зато меня время уже поджигает, — холодно усмехнулся он. — А ей это, наоборот, пойдет только на пользу. Чем раньше она родит, тем быстрее станет настоящей женщиной. Заботливой матерью, покорной женой...

Его насмешливый взгляд скользнул по мне. Кажется, ему доставляло извращенное удовольствие наблюдать за тем, как я корчусь.

И вдруг он как бы между делом бросил:

— Кстати, о покорности... Мой человек, которого я приставил охранять мою дражайшую будущую супругу, в последнее время странно себя ведёт.

— Что значит «странно»? — уточнила мать.

— Он отказался, — старик отложил нож и вилку, взял салфетку, спокойно промокнул губы. — Отказался охранять её.

Он посмотрел на меня, и я сразу же опустила взгляд, чтобы ничем ни себя, ни Артура не выдать.

— Такого ещё никогда не было, — продолжил он. — Чтобы Шах с чем-то не справлялся...

В этот момент в столовую зашел Артур. Его лицо было каменным, как всегда, и ничего не выражало.

Но я уже умела видеть то, что скрывалось под этой маской. Я видела боль. Видела горечь. Озлобленность. Он вернулся сюда только лишь потому, что его заставили.

— Вот и он, — произнёс старик, потирая руки. — Пришлось напомнить ему о том, кто здесь отдаёт приказы, и кто решает справляешься ты с приказом или нет. Он продолжит охранять тебя, Аврора.

На лице Артура не дрогнул ни один мускул. Но я видела тень, что пряталась за его глазами.

— Забавно, — усмехнулся старик, переводя взгляд с него на меня и обратно. — Я вижу, девочка, что ты реагируешь на него слишком живо.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Неужели он читает меня, как открытую книгу?

— Но можешь не бояться, — с усмешкой произнес он. — Он не преступит черту. Я уверен в нём. Уверен настолько, что даже забавно наблюдать за твоей... как это сказать? За твоей невинной игрой.

— Довольно, — сорвалось с моих губ.

— Что именно «довольно», дитя моё?

— Довольно этих игр! Вам доставляет удовольствие смотреть, как кто-то мучается? Вы и так получили всё, чего хо-

тели, но вам всего этого мало!

— Аврора! — вступила мать. — Как ты смеешь так говорить? Ты должна благодарить судьбу за такого жениха.

— Если он тебе так нравится, мама, если ты считаешь его достойным женихом, сама и выходи за него замуж, и сама рожай ему!

Мать побледнела. Старик откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Дерзкая девчонка!

Я почувствовала на себе взгляд Шаха. Его глаза, обычно холодные, теперь были полны такой боли и бешенства, что мне стало трудно дышать.

— Аврора, немедленно извинись! — потребовала мама.

— Нет, — ответила я спокойно, и в этом «нет» было всё — и усталость, и злость, и отчаяние. — Я не буду извиняться.

— Ладно, оставим эти глупые разговоры. Пусть девица пока поиграется в упрямство, — старик поднялся, опираясь на трость. — Пока еще может...

Он ушёл, стукнув тростью о мраморный пол, и мама поспешила следом за ним, чтобы попытаться сгладить неприятное впечатление от разговора.

Дверь за ними закрылась.

Я осталась одна с Шахом.

— Ты не должна была так говорить, — тихо произнёс он.

— А что мне остаётся? Смотреть, как он играет с нами? Как он мучает тебя? Как он смеётся надо мной? Я не могу

это терпеть, понимаешь?!

Я сама не заметила, как шагнула к нему. Мне хотелось коснуться его, прижаться, хоть на миг почувствовать, что я не одна в этой клетке. Но он резко отступил, словно боялся моего приближения.

— Увези меня... — выдохнула я. — Увези меня куда-нибудь отсюда, прошу...

— Ты знаешь, что просишь невозможное, — сказал он глухо.

— Почему невозможное? Что держит тебя здесь, кроме его приказов? Он не хозяин тебе, Артур. Ты сам себе хозяин!

Он опустил глаза, сжал кулаки.

— А я не могу больше! — голос мой сорвался, и слёзы жгли глаза. — Каждый день — это пытка. Я задыхаюсь, я с ума схожу. Единственное, что держит меня — это ты. И если ты уйдёшь, если ты откажешься от меня... — я задохнулась, не в силах договорить.

Он вскинул на меня взгляд — тёмный, мучительный. И я поняла: он чувствует то же самое. Я видела, как он борется с собой, как дрожит в нём эта натянутая до предела невидимая струна. И знала: ещё чуть-чуть — и он преступит черту. Для этого нужно совсем немного.

И я сделала шаг ему навстречу.

Глава 12

И в этот момент всё рухнуло. Он резко отстранился, словно я ударила его, и отпрянул к двери.

— Если я сделаю то, о чем ты просишь... всё будет кончено. Для тебя. Для меня. Для нас обоих.

— Тогда уходи, — прошептала я. — Уходи, если тебе так легче...

И он ушёл. Так быстро, будто только бегство могло его спасти.

Надежда, которая ещё секунду назад жила во мне, погасла, оставив вместо себя пустоту.

Я опустила на пол, закрыв лицо ладонями. Всё кончено. Он был моим единственным шансом, и он от меня отрекся.

Ночью я лежала без сна, уставившись в потолок, и думала о том, что каждое тиканье настенных часов отмеряет шаги к моей казни. Неделя. Всего неделя.

И вдруг — в крошечной тишине раздался лёгкий скрип двери. Я вздрогнула, резко повернула голову, готовая увидеть мать или кого-то из слуг. Но в дверном проёме стоял Шах.

Я не сразу поверила в то, что вижу его. Он словно вырос из темноты, высокий, напряжённый, с этим вечным своим холодным выражением лица, за которым я уже научилась различать другое.

— Пойдём, — сказал он.

Я села в кровати, прижимая к себе одеяло.

— Но куда?

Он не стал объяснять. Просто шагнул ближе, наклонился и протянул мне руку. Большую, сильную, с едва заметными шрамами на костяшках.

— Шах... — прошептала я, не узнавая собственного голоса. — Что ты задумал?

— Доверься мне, — тихо произнёс он.

Я колебалась всего миг. А потом медленно, словно боясь спугнуть реальность, вытянула из-под одеяла дрожащие пальцы и вложила их в его теплую ладонь.

Я никогда не думала, что буду красться из собственного дома, будто какая-то преступница. Шах шёл впереди уверенно, как человек, для которого темнота — привычная среда. Я же спотыкалась на коврах, шарахалась от каждой тени и всё время боялась, что мать выйдет в коридор и остановит нас.

Мы выскользнули из дома, и я увидела перед ним мотоцикл. Черный, мощный, сверкающий хромом в свете луны. Как символ чего-то запретного, дикого, необузданного, совершенно непохожего на всё, что было в моей жизни до этого.

Шах сел на него и словно слился с машиной.

— Садись, — скомандовал мне.

Я приподняла подол ночной сорочки, села позади него и обняла его за талию. Но он взял мою руку и сильным дви-

жением прижал к себе, будто показывая: держи вот так, еще крепче. Мои ладони легли на его живот, и я почувствовала, как под кожей напрягаются мышцы.

Когда он тронулся, я взвизгнула от неожиданности и вцепилась в него ещё сильнее. Ветер бил в лицо, ночной воздух пах свободой. Сердце колотилось в бешеном ритме — это был и страх, и восторг.

Я прижалась щекой к его спине, закрыла глаза. Его тело было щитом перед этой скоростью, этой летящей на нас тьмой. Я чувствовала каждый его вдох, каждое мимолетное движение, и чем дольше мы мчались вперед, тем сильнее ощущалось наше слияние.

Я думала: если это сон, пусть он никогда не кончается.

Мы мчались всё дальше, и вскоре дорога пошла в гору. Я чувствовала, как мотоцикл напрягается, вибрация сильнее отдаётся в тело, и я всё крепче прижималась к Артуру. Он был каменной стеной, надёжным, незыблемым, и в этом полёте я доверяла ему так, как, наверное, не доверяла никому в своей жизни.

Наконец мотор стих, и наступила тишина. Я ещё несколько секунд не могла разжать пальцы, крепко вцепившиеся в его тело.

— Приехали.

Я медленно отняла руки.

— Смотри, — тихо сказал он.

Я подняла голову. И замерла.

Под нами раскинулся город. Тёмный, спящий, и в то же время живой — тысячи огней дрожали внизу, словно рассыпанные самоцветы, словно звёзды, упавшие на землю. Казалось, что я стою над всем этим миром, свободная, сильная. Не принадлежавшая никому. И только ветер трепал мои волосы, охлаждал кожу, прижимал ткань к телу.

— Красиво... — прошептала еле слышно.

Я смотрела на город, и меня остро кольнуло осознание: там, среди этих огней, осталась моя клетка. Моя мать. Мой проклятый «жених».

А здесь — только он, Артур. Только эта мнимая, минутная передышка.

Мы стояли рядом молча, думая каждый о своем. Город раскинулся перед нами как символ свободы, которой не было у нас. Это было так близко — рукой подать. И так безнадежно недостижимо.

— Думаешь, я не понимаю, каково тебе? — сказал вдруг Артур. — Но есть вещи, от которых не сбежать...

— Сбежать можно от всего. Вопрос только — с кем.

Он протянул руку и коснулся моего лица. Сначала невольно, кончиками пальцев. Потом провел по щеке, по линии скулы, чуть задержался у губ. В этот миг казалось, что вокруг исчезло всё — даже город, даже ночь, даже сама земля под ногами.

Я чувствовала только его.

Слышала, как учащённо он дышит. Слышала громкий

стук собственного сердца. Его рука скользнула к моей шее. Я закрыла глаза, потому что этот жар был невыносим.

Я хотела его. Каждой клеточкой своего тела. Каждым вдохом. Так же сильно, как он — я точно знала это! — хотел меня.

Я сделала вдох и решилась.

— Ты знаешь... Я не принадлежала ещё... никому.

Он посмотрел на меня так, будто не поверил, будто не осознал сразу, что именно я хочу сказать. Я продолжила, чувствуя, как горло сжимает от слёз:

— Я не хочу, чтобы первым был он. Старик. Это будет... хуже смерти.

Я посмотрела прямо Артуру в глаза.

— Я хочу, чтобы это был ты. Тот, кого я выбрала бы сама.

Глава 13

— Ты правда хочешь, чтобы я в это поверил? — сказал он. — Ты девственница? Та, которая тусовалась ночами напролёт, вечно окружённая парнями?

Я кивнула. Да, именно так оно и было. Я действительно всегда была окружена парнями, но нравился ли мне хоть кто-нибудь из них? Возможно. Но физически я не хотела ни одного.

Он шагнул ближе, навис надо мной, и я почувствовала, как по спине у меня пробежал холодок от его взгляда.

— Если это снова твои игры... — он оборвал, будто боялся договорить. — Я не могу поверить, что ты...

— Ты можешь легко это проверить, — выдохнула я, глядя прямо ему в глаза, — что я говорю правду.

Он замер, пораженный.

Я видела — он хочет этого. Хочет даже сильнее, чем этого хотела я, сгорающая от желания. Его взгляд выдавал всё, что он пытался скрыть: жгучее влечение, муку, ярость.

— Аврора... — его голос стал хриплым, низким. — Это безумие.

— Тогда позволь мне сойти с ума, — прошептала я. — Только не отдавай меня ему. Я хочу хотя бы первый раз... выбрать сама.

Ветер бил мне в лицо, путал волосы, и всё вокруг казалось

каким-то нереальным. Только его тело под моими ладонями было настоящим. Сильное, горячее, живое. Каждое движение мышц отзывалось во мне током. Я подошла ближе, чувствуя, что дрожу от возбуждения.

Его губы тут же накрыли мои резко, жадно. А рука мгновенно оказалась у меня на затылке, вплетаясь в волосы, наматывая их на кулак.

Он целовал меня так, будто хотел выпить до дна.

Его ладони скользнули по моим плечам, к талии, притягивая ближе. Его поцелуи то сводили с ума своей настойчивостью, то смягчались, становились бережными, как будто он боялся меня сломать.

Я растворялась в нём. В его руках, в его дыхании, в его теле. И уже не было города, раскинувшегося перед нами, не было ночи, которая стала покровом для нас. Был только он. И его возбуждение — тверже, чем камень, горячее, чем сам огонь.

Я хотела его. Так сильно, что слова теряли смысл. Так остро, что мне казалось — я умру, если он отступит.

В следующее мгновение его губы уже оказались на моей щеке, жадные, жгучие, и я застонала, теряя остатки сил. Его ладонь скользнула по бедру, под пеньюар, и от этого лёгкого движения я будто взорвалась изнутри. Тело с готовностью отзывалось на его ласку.

Он сорвал завязку на поясе пеньюара, и ткань распахнулась, обнажая плечи и грудь. Его пальцы дрожали, когда кос-

нулись кожи — сильные, уверенные, но в то же время осторожные, будто он боялся разрушить мою хрупкость. И это сводило его с ума.

— Ты даже не понимаешь... — выдохнул он, прижимая меня к себе. — Не понимаешь, что творишь со мной.

Я понимала. И хотела именно этого. Его жажды, его силы, его безумия.

— Я хочу, чтобы ты был первым. Никто другой... только ты.

Его глаза потемнели, а пальцы скользнули ниже, между бедер. Я выгнулась, впиваясь ногтями в его плечи. Мир исчез. Были только он, я и его мотоцикл, холодный металл которого впивался в спину, пока наши тела горели огнём.

Он покрывал моё тело поцелуями, а я впервые в жизни отдавалась чистому, необузданному желанию. И в тот момент поняла: все это время я была одна, отвергая бегающих за мной парней, только лишь потому что мне нужен был не парень. Мне нужен был мужчина, и не просто мужчина, а именно такой — сильный, дикий. Мужчина, способный сжечь меня дотла.

Я выгнулась, сама толкаясь навстречу его пальцам.

— Хочу тебя... — сорвалось с моих губ.

Ткань пеньюара окончательно соскользнула с плеч, оставив меня почти обнажённой перед ним. Его руки больше не знали преград.

— Аврора... — он провёл ладонью по моему животу и

остановился, словно на грани, словно боролся сам с собой.

— Пожалуйста... Не останавливайся.

Его тело дрогнуло, готовое взять меня здесь и сейчас. Я закрыла глаза, готовясь принять его.

Но в следующий миг его руки отпрянули. Он отшатнулся.

— Чёрт, Аврора... — он провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть собственное желание. — Если это действительно правда... Если ты действительно невинна, я не могу сорвать этот цветок прямо здесь, на земле. Как какое-то животное.

Я смотрела на него, ошарашенная. Всё моё тело горело, каждая клеточка кричала «да», но он остановился.

И именно в этот миг я поняла: он не просто мужчина, которого я хочу. Он мужчина, которого я... Полюбила?!

Он сделал шаг назад, тяжело дыша.

— Ты сведёшь меня с ума, — прошипел он. — Но я не позволю себе сделать этого.

Я стояла перед ним, едва дыша. Тонкая ткань пеньюара почти не скрывала наготы, волосы выбились из-под заколки и падали на лицо, а тело всё ещё дрожало.

Артур отвернулся от меня к раскинувшемуся городу, а я шагнула ближе, положила ладонь ему на плечо. Под кожей чувствовалось, как вибрирует его сдержанное желание.

Он резко повернулся, схватил мою руку, прижал к своим губам и впился в нее.

— Я хочу тебя так сильно, что теряю голову, — повторил

он. — Но если я возьму тебя сейчас — это будет не то, чего ты достойна.

Он закрыл глаза, прижался лбом к моему. В этом жесте я почувствовала не только страсть, но и защиту, и обещание.

Так я впервые поняла: наша связь была чем-то большим, чем-то таким, что нельзя разорвать ни силой, ни страхом.

Она была нашей бедой.

В этот момент в абсолютной тишине раздался хлопок. Потом еще один и еще. Аплодисменты. Я вскинула голову. Кто аплодировал нам в этом безлюдном лесу?

Глава 14

Наконец раздался голос, от которого меня бросило в дрожь.

— Браво!

Я резко обернулась. Из темноты показались силуэты нескольких человек. И посередине — он. Мой «жених», от кого я так надеялась сбежать.

— Какая трогательная сцена, — протянул он. — Прямо сердце щемит... Молодость, страсть, романтика под луной. Разве это не прекрасно?

Артур сделал шаг навстречу пришедшим, заслоняя меня собой.

— Мальчик мой... — продолжил старик. — Я ведь относился к тебе, как к сыну! А ты... Ты решил первым попробовать то, что принадлежит только мне.

— Я никому не принадлежу! — выкрикнула я.

— А девчонка все огрызается... Отлично. Тем интереснее смотреть на то, как твой герой будет метаться, когда поймёт, что все равно не сможет тебя спасти.

Я огляделась вокруг: мы действительно оказались в ловушке. Прямо позади нас — обрыв. К нам подходят все ближе, сужая кольцо.

— Ты всегда был мне предан, — продолжал говорить старик. — Даже когда я давал тебе самые грязные поручения...

Ты все исполнял. А теперь? Что эта мерзкая девчонка с тобой сделала?

— Ещё слово, — сказал он глухо, — и я забуду, что называл тебя отцом.

— И что ты сделаешь? — он развёл руками. — Один против семи?

Черные силуэты обступали. Артур шагнул к ним на встречу, готовясь к бою.

— Не надо... Их слишком много... — прошептала я, пытаясь удержать. Я видела, что он готов бросить вызов самому дьяволу ради меня.

Но он только выдохнул сквозь зубы:

— Пусть попробуют.

Старик снова усмехнулся недобро. Он тоже видел, что Артур не шутит. Понимал, что, если он сейчас отдать приказ — будет кровь. И, наверное, ему совсем не хотелось терять лучшего из своих людей.

Охранники окружили нас и замерли. У них у каждого было по оружию, и они были готовы пустить его в ход, но тоже медлили, не зная, что делать.

Было ясно, что, если сейчас старик даст приказ, Артур пойдёт до конца. Он готов даже погибнуть.

Сердце болезненно сжалось в груди при одной только мысли о том, что его жизни что-то угрожает. Но сделать я ничего не могла — мы оба в ловушке.

— Я был уверен, что ты не способен на предательство, —

нарушил молчание старик. — Что ты останешься мне благодарен. Но, видимо, люди сейчас не помнят добра...

Он сделал знак рукой.

Охранники шагнули ближе. Я вскрикнула, прижалась к спине Артура.

— Хватит с меня этих игр. Берите их, — скомандовал он.

Первый охранник рванул к нему, и Артур ударил его так сильно, что тот рухнул на землю. Второй налетел сбоку, но Артур отбил удар, схватил его за шею и швырнул в темноту.

Но их было слишком много.

Третий и четвёртый навалились сразу, и он едва успел оттолкнуть одного, ударить другого в челюсть. Ударил ещё одного в солнечное сплетение, и тот сложился пополам. Но в тот же миг двое других схватили его за руки.

Старик стоял в стороне, смотрел так, будто перед его глазами разыгрывалась не схватка — а спектакль. Он наслаждался тем, как его пёс рвётся из цепей.

Артур уже едва держался на ногах. Я видела — силы уходят, дыхание рваное, движения становятся тяжелее. Они скручивают его, тянут вниз, к земле.

И в следующее мгновение он рванулся из их рук.

И, прежде чем я успела что-то понять, он прижал меня к себе и бросился вместе со мной в пустоту.

Я увидела краем глаза обрыв. А потом земля исчезла из-под ног.

Тело Артура сковывало мое, закрывало со всех сторон,

принимало все удары на себя. Я чувствовала, как его спина бьется о камни, как он глухо стонет от боли, но не разжимает рук...

Мы летели вниз с обрыва.

Глава 15

Я открыла глаза — и меня ослепил яркий свет. Я тут же зажмурилась, не увидев, где именно нахожусь. Сердце билось так, будто мое тело всё ещё падало с обрыва в пустоту. Я попыталась вдохнуть глубже, но тупая боль, засевшая где-то в районе грудной клетки, не позволяла.

В этот момент я поняла: вокруг не лес, не ночь, не холодная земля. Здесь пахнет спиртом и лекарствами, горит яркий свет.

Я в больнице.

Я слышала гулкие шаги где-то за дверью, писк аппарата рядом. С трудом повернула голову и увидела свою руку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.